

С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Софья Тихонова

**Историческая память
в социальных медиа**

«Алетейя»

2021

УДК 316.654:94
ББК 60.56

Тихонова С. В.

Историческая память в социальных медиа / С. В. Тихонова —
«Алетейя», 2021

ISBN 978-5-00165-357-8

В монографии осуществлен анализ способов конструирования образов Прошлого в социальных медиа. На основе изучения новых практик производства исторического знания в цифровой среде показаны процессы конвергенции Истории и исторической памяти в современном обществе. Авторы избрали предметом своего исследования компьютерные игры, интернет-мемы, селфи, фейки, блогосферу, вики-проекты, считая, что в цифровую эпоху они стали инструментами репрезентации коллективно разделяемых представлений о прошлом. В работе вводятся новые понятия, такие как эпистемические арены, медиапамять, хисторихакинг, хисторитейнмент, характеризующие разные грани цифровой истории. В книге представлены результаты социально-философского исследования исторической памяти в цифровом контексте. Для всех, интересующихся цифровой историей и ее философскими основаниями. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 316.654:94

ББК 60.56

ISBN 978-5-00165-357-8

© Тихонова С. В., 2021

© Алетейя, 2021

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава 1	10
1.1. Цифровое общество: новая платформа эпистемических арен	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Софья Тихонова, Денис Артамонов

Историческая память в социальных медиа

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00265
«Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире»*

Рецензенты:

доктор философских наук, доцент *А. Г. Иванов* (Липецкий государственный технический университет) доктор философских наук, доцент *А. А. Дыдров* (Южно-Уральский государственный университет)

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Предисловие

Эта книга – результат непрерывного восхищения авторов технологическим чудом интернета. Погрузившись в его реальность в конце XX века, долгое время мы сосредотачивались на изучении того, как он меняет жизнь обычных людей, делая обыденностью мечты футурологов и фантастов. Но мысль о том, что этот подарок Будущего неизбежно должен изменить миры Прошлого, не давала нам покоя. Мы уверены, что интернет изменил историю, не только как новая точка отсчета и новое русло. Он изменил способ ее осмысления, воссоздания и удержания в памяти. На этих страницах мы постарались собрать все, что нам известно о цифровых образах Прошлого, о том, как они создаются, конструируются, обновляются, обнуляются, пересобираются каждый день историками, философами, исследователями, блогерами, анонимами, пользователями социальных сетей – каждым из нас.

Авторы благодарны Российскому фонду фундаментальных исследований, без поддержки которого мы не рискнули бы замахнуться на такую задачу, потребовавшую трех лет напряженной работы. Мы выражаем признательность Русскому обществу истории и философии науки, общение с членами которого обогатило нас новыми методологическими находками, позволяющими точнее описать вклад пользователей в цифровое распределение знания. И, конечно, мы благодарны коллегам, изучающим историческую память, Даниилу Аникину, Андрею Иванову, Андрею Линченко, щедро делившимися с нами событиями, информацией, идеями и новыми данными по тематике *memory studies* последние десять лет. Отдельно благодарим Артура Дыдрова, редактора публика VK «Цифровая антропология» (<https://vk.com/digitalanthropology>) за поддержку нашего интереса к цифровой проблематике, а также Степана Калинина за кропотливую корректуру. Мы тронуты вниманием и бережным отношением к тексту наших рецензентов. Спасибо всем, кто помог нам дойти до конца на пути к этой книге!

Введение

«Что хочешь помнить, то всегда помнишь»

Рей Бредбери

Историческая память находится в фокусе исследовательского внимания гуманитарных наук со второй половины XX века. Разумеется, инициаторами ее изучения были историки. Однако методологическая ситуация обращения к Прошлому не через его следы, а через репрезентации его образов в коллективном сознании оказалась чрезвычайно плодотворной для всех отраслей наук о человеке. Философы, политологи, филологи, социологи, культурологи, антропологи, этнографы и даже юристы внесли свой вклад в изучение того, что именно люди помнят о прошедших эпохах. Изменение социальной коммуникации в цифровом обществе привело к тому, что массив устной традиции памяти, долгое время весьма поверхностно доступный для научного анализа, в сверхкороткие сроки выплеснулся на просторы гибридной интернет-коммуникации. Посты, комменты, твиты, фотографии сделали доступными механизмы памяти для прямого (а иногда и включенного) наблюдения. Память о Прошлом получила новые, цифровые формы объективации, неразрывно связанные с мировоззрением и повседневностью ее субъектов. Бесчисленное количество поколений, живших на планете, не оставило никаких свидетельств того, что они помнили. Другим повезло больше. Великие пирамиды Гизы, Парфенон, Колизей замещают в нашем сознании реальные народы, живая память которых весьма отличалась от того, что мы тиражируем в своих учебниках истории. Только голоса великих личностей (поэтов, писателей, философов, правителей) прорываются к нам из темноты ушедших тысячелетий. Эти люди были уникальными, выдающимися на фоне тех, кто жил в их время. Мы ничего не знаем о том, что помнили пастухи времен Гомера или варвары из войска Аттилы. Не намного больше мы знаем о памяти крестьян Реконквисты, Смутного времени или Великой Французской революции; наши знания о них добыты из летописных анналов и разрозненных архивных документов, по большей части, представляющих собой судебные и правительственные акты. Наши современники, практически впервые в истории получили возможность делиться своей памятью с теми, кого не знают лично, не проходя цензы величия и славы, – у них есть интернет.

Корпус классических идей *memory studies* развивал стратегии изучения исторической памяти в позднекапиталистических обществах, с их вертикальными системами массовой коммуникации. Истоки изучения коллективной памяти восходят к трудам Ф. Ницше, К. Маркса, Г. Зиммеля, Дж. Г. Мид и В. Беньямина. Однако подлинным основоположником мемориальной проблематики по праву считается М. Хальбвакс, который в своей книге «Социальные рамки памяти» (1925) рассматривал память как продукт социализации индивида и его участия в коммуникационных процессах.

Наследие М. Хальбвакса было востребовано во Франции в 1980-х – начале 1990-х гг., когда был реализован проект «места памяти» под руководством П. Нора. Идеи М. Хальбвакса также получили продолжение в трудах П. Рикера и Я. Ассмана. В книге последнего «Культурная память. Письменность, воспоминание и политическая идентичность в ранних цивилизациях» (1992) выдвигается тезис о том, что прошлое никогда и нигде не передается просто от поколения к поколению, а всегда вновь и вновь пересоздается, реконструируется, реконструируется из социальной реальности. Проблематика культурной памяти волновала также представителей московско-тартуской семиотической школы. Ю.М. Лотман рассматривал данный феномен с семиотической точки зрения и пришел к выводу, что культура является надындивидуальным механизмом хранения, передачи и создания новых сообщений, т. е. коллективной памятью

Вопрос о податливости социальной памяти манипуляциям рассматривался в сборнике статей Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера «Изобретение традиции» (1983). Публикации этих исследователей положили начало возникновению теории «политики памяти». П. Берк в работе «History as social memory» (1989) и П. Хаттон в книге «История как искусство памяти» (1993) проводили мысль о том, что историческая наука является одной из форм коллективной памяти и представляет собой официально признанную память.

Проблема соотношения индивидуальной и коллективной памяти в социальном и культурном контексте раскрывается в работе Дж. Фентресса и К. Уайкема «Социальная память» (1992), особое внимание здесь также обращается на процесс социальной коммуникации. Исследования Алейды Ассман ставят своей целью рассмотрение вопросов, связанных с функционированием исторической памяти в различной социальной среде и причинами возникновения мемориальных конфликтов современности.

В России, несмотря на очевидную популярность исторической памяти как тематики исторических, философских, социологических и культурологических исследований (запрос по тегу «историческая память» на сайте elibrary.ru выдает 308390 наименований), можно выделить лишь небольшое количество публикаций и исследователей, оказавших заметное влияние на разработку данного направления, это работы Л.П. Репиной, И.М. Савельевой, А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, А.Г. Иванова, А.А. Линченко, Д.А. Аникина, О.В. Головашиной, В.Н. Сырова и др.

Проблемное поле *memory studies* в цифровую эру бесконечно расширяется. Социальные медиа обеспечивают присутствие в информационном поле почти каждого субъекта общественных отношений и делают его представления о прошлом частью общей исторической памяти. Цифровизация исторической памяти стала новым вызовом для ее исследователей. Она обусловила новые методологические поиски, связанные с необходимостью развивать инструментарий, чувствительный к цифровой среде, определять те сегменты интернет-контента, где представления о Прошлом репрезентируются максимально.

Цифровой контент наглядно репрезентирует практики исторической памяти в медиасреде. Память в медиасфере работает как социальный конструкт. Это значит, что люди вспоминают Прошлое по определенным правилам, так, как если бы существовала его правильная версия. Однако правила эти никогда не заданы как догма, их реинтерпретация приводит к противостояниям, борьбе и конфликтам. Прошлое – ключевой ресурс построения коллективных идентичностей, поэтому оно никогда не будет отдано на откуп свободному творчеству. Тем не менее, Прошлое принципиально открыто, его можно детализировать в реконструкциях бесконечно, выстраивая его как интенциональный объект. И каждый новый акт припоминания все равно не сможет закрыть все лакуны и белые пятна. Открытость истории означает возможность бесконечного изменения прошлого. Известная карикатура «Историки! Изменим прошлое к лучшему!» в ироничной форме демонстрирует ту работу с исторической памятью, которую проделывает каждый из нас, борясь за счастье, формируя собственную идентичность и смысловые проекты. Но содержанием является не произвольное изменение, коль скоро оно ограничено борьбой интересов различных акторов исторической памяти, подчас перерастающих в мемориальные войны, возможностями производства исторического знания, способами интерпретации исторических источников и формами репрезентации вырабатываемых представлений о прошлом.

Исторические знания аккумулируются на страницах свободной энциклопедии «Википедия», в видеоконтенте ютуб-каналов, постов в социальных сетях, компьютерных играх, интернет-мемах, селфи, фейках, превращаясь в символические фигуры, чтобы стать частью культурной и исторической памяти. Историки-непрофессионалы в цифровой среде транслируют свой взгляд на прошлое, овладевая не только навыками исторических исследований, но и технологиями их репрезентации в медиасфере.

В этой книге авторы стремились показать процесс включения цифровых технологий в социальное конструирование исторической памяти. Центром нашего внимания стало бурное развитие сервисов социальных сетей, характерное для последнего десятилетия, которое вовлекло массовую аудиторию пользователей интернета в процессы конструирования образов Прошлого. Массированные информационные потоки исторического контента, создаваемые обывателями, не только стали новым фактором влияния на коллективные и индивидуальные идентичности, но и создали благоприятные условия для войн памяти. Свою задачу мы видели в том, чтобы отразить новую роль исторического контента в социальной структуре.

В первой главе анализируются методологические инструменты изучения образов Прошлого, рассматриваются теоретические основы изучения конструирования исторической памяти в цифровую эпоху. Цифровое общество как новый этап социального развития опирается на цифровые платформы коллективного производства исторического знания.

Во второй главе рассматриваются процессы «историзации» информационно-развлекательного пользовательского контента, вызвавшие к жизни новые гибридные жанры, фейки, интернет-мемы и селфи.

В третьей главе представлены практики цифрового «взлома» истории, хисторихакинга, в рамках которого свободное творчество разработчиков и пользователей компьютерных игр становится основой приватизации и обживания Прошлого в альтернативных исторических мирах.

В четвертой главе излагаются результаты анализа формирования цифровой истории и цифровой философии истории, изменяющих профессиональные роли исследователей, изучающих Прошлое.

Надеемся, что книга будет полезна тем, кто готов погрузиться в миры медиасреды в поисках собственного Прошлого.

Глава 1

Методологические основы изучения конструирования образов прошлого

В данной главе рассмотрен методологический инструментарий изучения образов Прошлого и конструирования исторической памяти в цифровую эпоху. Авторы сосредоточили свое внимание на исследовании цифрового общества и новых платформ производства исторического знания и коллективно разделяемых представлений о прошлом. Эти платформы получили название эпистемических арен, в рамках которых происходит стирание граней между Историей и исторической памятью. В главе также исследуются процессы управления исторической памятью в медиасреде и дается характеристика медиапамяти, как новой формы коллективной памяти, формируемой с помощью медиа.

1.1. Цифровое общество: новая платформа эпистемических арен

Цифровизация социальной реальности вызвала к жизни множество концептов, интерферирующих в программах государственной политики, легальных текстах, футурологических трактатах и социальных теориях. Начиная с 60-х гг. XX века, идеи о совершенствовании социальной коммуникации с помощью сначала ЭВМ, а позднее, интернет-технологий выражались в понятиях технотронного, телематического, компьютерного, информационного общества. Каждое из них генетически связано с конкретными решениями в области информационно-коммуникационных технологий, политическим национальным курсом, господствующей идеологией и доминирующим философским течением. Не последняя роль в этой игре понятиями принадлежит моде и желанию отстроиться от предшественников, продемонстрировать самую последнюю современность предлагаемой картины социальной реальности. Сегодня все чаще исследователи говорят о цифровом обществе, употребляя это словосочетание практически в том же смысле, для которого еще десятилетие назад использовали термин «информационное общество», но подразумевая под ним применение набора куда более мощных и совершенных технических средств для социального воспроизводства. В этой книге мы будем понимать под цифровым обществом такую форму социального порядка, в которой все ключевые социальные связи выстраиваются с помощью цифровых сервисов интернет-коммуникации или, как минимум, опираются на дублирование традиционных и цифровых способов их установления и поддержания. В цифровом мире индивид не только сам зависит от развития технологий, но и имеет возможность на это развитие влиять.

Одной из важнейших характеристик цифрового общества является перманентная изменчивость социальных структур и условий жизни индивида, что непосредственным образом затрагивает память. Память является тем необходимым инструментом, при помощи которого человек конструирует социальную реальность. Индивидуальная память всегда вписана в коллективные представления о прошлом, задающие социальные рамки конструирования реальности. В цифровом мире индивидуальная и коллективная память подвергаются усиленной конвергенции и постоянному изменению механизмов своего функционирования, не говоря уже о содержании. Коллективная память в цифровом обществе заполняется новым цифровым знанием о прошлом, которое определяет современность.

Цифровое общество в предметном поле социальнофилософского анализа

Социально-философский анализ влияния цифровых инструментов на социальную реальность длительное время строился в формате структурно-функционального анализа. Сетевая парадигма анализа социальных процессов, сформированная на основе трудов М. Кастельса [Кастельс, 1999; Кастельс, 2004], оперировала понятием «сетевое общество», подчеркивая роль интернет-сетей в появлении нового типа социальной организации. Однако массовое распространение интернет-сетей и даже сервисов социальных сетей не вызвало радикальных необратимых изменений в современных социальных системах. Скорее, мы наблюдаем мягкое «обрастание» вертикальных ансамблей властных иерархий горизонталями сетей при усилении диффузии и снижении четкости дифференциации внутренних элементов иерархий. Сети не вытеснили древовидные вертикали, но они смягчили и размыли их, вывели на прямую связь с актерами микроуровня.

Причина тому – не столько ригидность и инерционные процессы, сколько праксеологический характер концепции «цифрового общества», ее встроенность в процессы государственного строительства. Государства как субъекты внутренней политики с конца 90-х гг. XX века активно модернизируют свои системы массовой информации, заменяя массовую комму-

никацию с гражданами по модели «компетентный представитель – неопределенно большая аудитория» моделью «единое окно – идентифицированные все». В новых коммуникационных ансамблях повышается прозрачность управленческих процессов для наблюдателя, с одной стороны, а, с другой, используются различные (от педагогических до экономических) средства стимуляции гражданской активности, поскольку потребление государственных и муниципальных услуг пассивным гражданином невозможно. Масштабность государственного реформирования, связанного с информатизацией государственно-управленческих процессов, ограничила стихийное развитие сетевых процессов, канализировала их и привязала к заложенной Модерном модели конституционных правовых социальных государств, управляющих социальной динамикой своих обществ.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что анализ структуры цифрового общества на макроуровне осуществим, скорее, средствами правоведения и политологии, нежели инструментами социальной теории. Ключом к пониманию специфики цифрового общества является массовый микроанализ, позволяющий ответить на вопросы о том, как статус пользователя интернета изменил социальные практики обывателя, какие новые их формы он вызвал к жизни.

Восстание умнеющих толп

Современная цифровая среда характеризуется большей предрасположенностью к социальному взаимодействию, чем какая-либо другая в предшествовавшие исторические эпохи. Интернет-коммуникация создала предпосылки для объединения людей с любыми целями: политическими, производственными, культурно-досуговыми. Социальные медиа сделали возможной практику реального взаимодействия больших групп людей, которое осуществляется как в офлайн-, так и онлайн-форматах. Массовость стала отличительной чертой социального действия, носящего в то же время сетевой характер. Интернет-сообщества упрощают коммуникацию и создают новые основания для развития социальной солидарности. В первую очередь они трансформируют социальную функцию массы – одного из самых проблематичных для социально-философской традиции коллективных субъектов.

Практики сетевого взаимодействия создали эмпирическую базу для пересмотра основных философских подходов осмысления феномена толпы и массового общества, которые складывались на протяжении всего XX в. В работах Г. Лебона, З. Фрейда, С. Московичи, Т. Карлейля, Г. Тарда, Н.К. Михайловского массы рассматривались в негативном контексте как угроза прежней человеческой цивилизации, замещаемой «веком толп». Указанные авторы не проводили методологического разграничения между понятиями «масса» и «толпа», что привело к дальнейшему синонимическому хождению терминов в научном обороте [цит. по: McClelland, p. 112]. Толпа характеризовалась как хаотичное начало, склонное к разрушению, а не созиданию. Философы представляли ее как слабоуправляемое скопление людей, главными чертами которого были утрата индивидами способности к наблюдению и осмысленному действию, подчинение бессознательным инстинктам. Доминирование масс связывалось с неразвитостью и низким умственным уровнем большинства, которое в толпе утрачивало самостоятельность личности, критичность ума и способность к рациональному суждению. Естественной формой действия толпы, легко подчиняющейся внешним стимулам, по мнению мыслителей, была паника. Импульсивные реакции толпы на внешние раздражители объяснялись обезличиванием человека и растворением его в массе, что приводило к невозможности самостоятельно контролировать свои страсти и противостоять манипулятивным влияниям [Валевич, с. 106–110].

Основной характеристикой толпы считалась иррациональность, объяснявшая сложность понимания массового поведения, непредсказуемость действий толпы и ее практическая неуправляемость. Толпу определяли как большое скопление людей с единым эмоциональ-

ным настроем, собравшихся в одном месте и объединенных общей целью. Сосредоточенные в одном месте, люди вынуждены были находиться в непосредственной близости друг от друга и быть прикованными к всеобщему центру внимания, что создавало условия для эффективного манипулирования их волей. Манипуляторами выступали «водители», действующие в своих корыстных интересах.

Массы, служащие интересам своих вождей, вызывали страх, так как в основе поведения толпы лежали неконтролируемые эмоции, а не разум. Толпа не имела структуры или какой-либо организации поведения, что отличало ее от группы или каких-либо других институализированных форм объединения индивидов.

Теоретическая «реабилитация» толпы началась в XXI в. в результате цифровизации современного общества. Постепенно в дискурсе социальной теории приходило понимание того, что толпа может быть управляема и регулируема, причем внутренними по отношению к ней равноранговыми акторами. Новые характеристики поведения толпы фиксировались не только в digital-среде, так как быстро выяснилось, что интеграция офлайн- и онлайн-пространств происходит постоянно. Иначе говоря, организованная в интернете масса людей способна на рациональное социальное действие в реальном мире. Социальное взаимодействие людей при помощи электронных средств коммуникации носило по большей части позитивный характер, что послужило поводом к пересмотру исследовательских точек зрения на роль масс.

Несколько крупнейших социальных теоретиков в начале XXI в. предложили новую интерпретацию социальной роли феномена цифровой толпы. Структурно-организационную концепцию цифровизации масс предложил Г. Рейнгольд [Rheingold]. Новый вид толп, консолидирующих индивидов в синхронизированное целое на основе интернет-технологий, он обозначил термином «умная толпа» (smart mob), подчеркивая словом smart скоординированность и телерациональность коллективных действий. Умная толпа Г. Рейнгольда тесно связана с новым качеством спонтанности: для внешнего наблюдателя акции умных толп разворачиваются внезапно и беспричинно, но фактически они тщательно спланированы и подготовлены. Важно отметить, что, хотя Г. Рейнгольд начинает свой анализ толп с дескриптивных позиций, он довольно быстро приходит к выводу о том, что умная толпа – это технология социальной организации. Благодаря перманентному свободному обмену данными между неограниченным количеством пользователей возможно с минимальными издержками собирать массы для осмысленных рациональных действий. С толпами доцифровых эпох умную толпу сближает только внешний признак, а именно быстрая концентрация большого количества людей в публичном пространстве. Внутренние характеристики данного феномена связаны с новым качеством социальной организации, когда основой интеракций становятся слабые социальные связи.

Итак, умная толпа (в терминологии Г. Рейнгольда – смартмоб, в медиадискурсе – флешмоб) может быть противопоставлена толпе обычной как новая групповая форма социальной практики. Ее ключевой характеристикой является четкая дихотомия на онлайн-и офлайн-фазы, поскольку смартмобовые действия планируются и контролируются в интернете, а реализуются в традиционном социальном пространстве. Взгляды Г. Рейнгольда способствовали возникновению мысли о том, что благодаря цифровым технологиям толпа может быть четко организована для выполнения рациональной задачи и управляема самими участниками.

Когнитивно-экспертную концепцию цифровой толпы предложил Д. Шуровьески, использующий близкие Г. Рейнгольду идеи, согласно которым цифровая толпа является сложной формой социальной организации. В русле социальной эпистемологии он доказывает несостоятельность тезиса об иррациональности толпы в условиях цифрового общества и радикализирует утверждение о ее рациональности. Если Г. Рейнгольд считает, что высокотехнологичная толпа не снижает рациональность отдельного индивида, то Д. Шуровьески идет дальше и доказывает, что она эту рациональность повышает [Surowiecki]. Используя экономико-управ-

ленческие кейсы, Д. Шуровьески оценивает вклад коллективного разума в переформатирование современных институциональных структур (бизнес, гражданское общество, государство). Наиболее убедительны примеры экспертных функций толпы, востребованных в решении сложных задач. Автор показывает, как технологии раскрывают прогностические способности толпы, применяемые в финансовой сфере, политике, оптимизации бизнес-проектов, предсказании катастроф и терактов. Характерно, что Д. Шуровьески отказывается от традиционных элитократических концепций, демонстрируя когнитивное превосходство цифровой толпы над интеллектуальными элитами. Интеллектуальная реабилитация толпы, осуществляемая Д. Шуровьески, открывает новый взгляд на способы координации действий больших групп людей.

Разновидностью когнитивно-экспертной концепции являются вики-модели цифровой кооперации масс, связанные с консолидирующим потенциалом вики-сайтов (т. е. сайтов, содержанием которых самостоятельно управляют пользователи, а не профессиональные разработчики). Д. Тапскотт и Э.Д. Уильямс, предложившие термин «викиномика», исследовали экономические и социальные эффекты новых технологий массового сотрудничества [Tapscott, Williams]. Главное теоретическое достижение их вики-модели – установление массовизации социальных практик, основанных на принципах открытого кода и взаимодействия равных. Эту аналитическую линию продолжает Б. Новек, изучавшая вики-правительство [Noveck]. Вики-сайты позволяют пользователям не только публиковать контент, но и отбирать его на основе экспертных практик, связанных с накоплением цифровой репутации. В итоге викисообщества превращаются в консолидированную экспертную цифровую толпу, весьма далекую от консервативного образа толпы как объекта. Вики-толпа – это созидательное начало, способное обслуживать выдвижение и реализацию проекта любого характера, политического, правового, технического и т. д. По мнению Б. Новак, вики-правительство представляет собой новую форму коллективных действий, благодаря которой можно повысить эффективность государственных структур, создав «правительство людей, для людей и с участием людей» [Noveck, p. 11]. Как видим, активность масс в условиях цифровизации становится формой коллективного творчества, а не инструментом разрушения и дестабилизации.

И последняя, ресурсная, концепция Д. Хау рассматривает цифровую толпу как аккумулятор ресурсов, в первую очередь – временных и когнитивных. Распределение масштабных проектов на массив локальных фрагментов операций, легко выполняемых рядовыми пользователями, Д. Хау обозначил как краудсорсинг [Howe]. Позднее этот термин стал применяться для описания схожих технологий использования ресурсов больших масс пользователей в целях реализации позитивных социальных проектов. Под краудсорсингом он понимал технологию социального действия, в основе которой лежит делегирование полномочий в решении разного рода задач массе интернет-пользователей, объединенных на различных сетевых площадках и выполняющих работу бесплатно или за небольшое вознаграждение [Howe, p. 21]. В ресурсной концепции описываются коллективные практики реализации творческого созидательного потенциала индивидов, которому нет места офлайн. Важно, что цифровая толпа в концепции Хау становится мощным инструментом преодоления социального отчуждения.

Новая социальная солидарность

Действительно, массы пользователей не ограничиваются обменом информацией, они стремятся к интеракциям со специальными эффектами, меняющими социальную реальность. «Википедия», пожалуй, один из самых известных и масштабных проектов, осуществляемых с помощью краудсорсинга. Создание «свободной энциклопедии» на основе объединенного контента неизбежно приводит к ситуации, когда сталкиваются различные точки зрения. Исследователи А. Кальтенбруннер и Д. Ланиадо из компании Barcelona Media создали платформу «Contropedia» для анализа и визуализации споров в «Википедии» в реальном времени. Про-

веденный исследователями анализ показал, что конфликтность в «Википедии», измеряемая объемом правок, очень мала, намного меньше, чем в социальных сетях.

Интернет-пользователи выступают за свободу информации и широкий доступ к интеллектуальным ресурсам. Часто упоминаемый пример в этой связи – свободное программное обеспечение Linux. Сегодня многие IT-компании идут навстречу пользователям, предлагая им открытые программы в обмен на интеллектуальные ресурсы толпы. Другой пример – проект «Sci-Hub» А. Элбакян, поисковая система с бесплатным доступом к 64,5 млн. научных академических трудов и статей. На этом сайте можно бесплатно получить доступ к огромному количеству платных публикаций, а ключи доступа к ним предоставляют ученые, которые уже подключены к платным базам данных. Интернет-пространство в целом не поддерживает право интеллектуальной собственности, но строго следит за соблюдением авторских прав. Пример работы в России Вольного сетевого сообщества «Диссернет» показывает, как чутко интернет-пользователи реагируют на попытки нарушения авторского права в научной сфере. Они поддерживают этот проект финансово и участвуют в нем в качестве экспертов, выявляя плагиат. В США государственное патентное бюро на постоянной основе использует сеть волонтеров, куда входят ученые, технические специалисты, люди, чья квалификация позволяет принимать участие в процессе рассмотрения заявок на патенты.

История цифровизации предоставляет нам характерные и для сегодняшнего дня примеры, когда попытки скрыть какую-либо информацию или запретить к ней доступ приводят к кризисным явлениям и еще большему распространению того, что пытались утаить. Показательны кейсы сайта Digg.com., когда в апреле 2007 г. после блокировки кода обработки HD-DVD пользователи стали его распространять на своих интернет-страницах в массовом порядке, а также история Барбары Стрейзенд, пытавшейся остановить распространение в сети фотографий своего дома, тем самым только увеличив просмотры.

Эти примеры демонстрируют, что массы в цифровой среде действуют слаженно, организовано и добиваются поставленных целей, если вопрос касается свободы информации.

Разумеется, действия больших групп в интернете не всегда бывают разумными и позитивными. Ярким примером негативного сетевого поведения толпы является троллинг, который можно охарактеризовать как процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной обстановки путем нарушения этических правил интернет-взаимодействия.

Разновидностью троллинга выступают флейм, выражающийся в волне правок (постмодерации сообщений, тем, новостей), и «холивар», т. е. бесцельная конфронтация. Интернет-тролли могут испортить обсуждение, распространить вредный совет либо деструктивную идею, разрушить чувство взаимного доверия в сообществе, таким образом, нанося существенный вред коммуникации. Общение в социальных сетях играет слишком большую роль в социальной жизни человека и очень часто приводит к открытым конфликтам. Исследователи из Университета Миссури Колумбия провели анализ 500 тыс. сообщений в «Фейсбуке» и «Твиттере» и показали, что большинство скандалов часто развиваются прямо в социальных сетях или продолжаются в интернете. В некоторых случаях конфликты в сети могут привести к столкновению в реальном мире.

Однако для цифровых толп характерен новый баланс позитивных и негативных аспектов. Думается, что первые доминируют над вторыми в силу растущего государственного контроля и этической саморегуляции. Интернет-пользователи с помощью этического кодекса саморегулирования снижают и преодолевают эти практики путем блокировки агрессивных участников процесса коммуникации, удаления их аккаунтов, морального внушения и всеобщего осуждения.

Рациональные действия толпы направляют коммуникацию в позитивное русло, стабилизируя систему социальных связей. Негативные явления в социальном сетевом взаимодействии также выступают источником выражения новой солидарности, носящей цифровой характер.

В целом цифровая толпа представляет собой новую форму групповой активности, для которой характерны повышение оперативности управления, усиление когнитивного потенциала, распределение наличных ресурсов для решения важных социальных задач. Ключевой функцией данного феномена является укрепление социальной солидарности в цифровом обществе, для которого характерны сверхбыстрое формирование и распад общественных связей, динамичная реорганизация институциональных форм. Поскольку индивиды чаще становятся инициаторами установления социальных связей, повышается групповая способность к кооперации.

Иначе говоря, формируется новая цифровая солидарность, представляющая собой общественное явление, при котором большие массы людей прибегают к механизму социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, максимально используя возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага. Она проявляется в различных сферах организации сетевых действий, таких как цифровая экономика, цифровая демократия, новое производство знания, новая экспертиза, новый альтруизм, новый досуг и производство информационного контента, где люди воспринимают себя как сотрудников, а не как конкурентов, формируя целостное единство.

Классические формулировки солидарности (О. Конт, Э. Дюрк-гейм) имели аксиологическое, мифологическое или религиозное основание и носили идеологический характер. Новая солидарность имеет организационно-когнитивную природу, в которой у действия есть специфическая структура, связанная с построением сети.

Одновременно она преследует рациональную цель, опираясь на новое знание о цифровой среде. Индивиды теперь сами строят горизонтальные социальные связи, которые раньше формировались стихийно в процессе социализации. Эти связи носят слабый и непрямой характер, что, по мнению М. Грановеттера, открывает лифты социальной мобильности [Грановеттер, с. 41]. Любой пользователь интернета может вступить в контакт и обмениваться информацией с любым другим пользователем, согласным на общение. Интернет трансформирует индивида в субъект эгоцентрических слабых сетей, подыскивая и выбирая подходящих для его целей контрагентов, позволяя ему целенаправленно устанавливать слабые связи, которые служат основой солидарного действия в цифровой среде [Кастельс, 2004, с. 148–156]. Опыт конструирования личных социальных сетей составляет сущность цифровой солидарности, что дает ключ к пониманию социальной динамики цифрового общества.

Цифровое распределение неформального знания как основа новых эпистемических арен

Итак, коммуникационная революция впервые открыла массам доступ к групповым и массовым каналам коммуникации, прежде доступным только элитам. Политические кризисы конца прошлого века были связаны с перманентным молчанием масс, подрывавшим манипулятивный потенциал традиционных инструментов информационного воздействия. Распространение интернета сначала выдвинуло на передний план класс интеллектуалов. Но удешевление доступа к интернету и расцвет мобильных интернет-технологий привели к тому, что в армию пользователей были рекрутированы и социальные низы. Современные мессенджеры вполне эффективно обслуживают даже общение неграмотного населения стран третьего мира с помощью видеосвязи и систем эмодзи. Снижение образовательного ценза пользователей стало основой тотального распространения политик постправды, господства оценок контента на основе эмоций и личных убеждений. Как мы видели, масса в XXI веке весьма мобильна, контактна, оперативна. Она однозначно лучше образована, чем масса XIX и даже XX веков,

ее солидарность и способность к краткосрочной кооперации также отличается в положительную сторону, поскольку установление контактов, их поддержание и реализация интеракций в современном технологическом укладе гораздо комфортнее и дешевле. Масса больше не анонимна, поскольку логика работы социальных сетей требует от пользователей обилия достоверной персональной информации.

Большая часть потребляемой массой информации производится ею же самой, поэтому от массовых эмоций зависит очень многое в принятии решений, и массы чаще становятся источником социальных изменений. Впрочем, развитое массовое сознание и рациональное долгосрочное достижение целей для массы по-прежнему остается, скорее, утопией, тем не менее, основные изменения массы, вызванные цифровизацией общества, носят социально-эпистемологический характер и связаны с изменением источников и структуры обыденного познания. Не случайно Фр. Шмитт трактовал социальную эпистемологию как концептуальное и нормативное исследование релевантности знанию социальных отношений, ролей, интересов и институтов [Schmitt]. Массы цифрового общества действуют иначе потому, что их повседневное познание специфически организовано. Цифровое общество не может быть описано только как общество с большим количеством развиваемых индивидами (при помощи цифровых технологий) эгоцентрических социальных связей. Это общество, в котором способы формирования потребностей в новых связях, способы установления связей и системы ожиданий укоренены в цифровизированном жизненном мире и основаны не только на индивидуальном, но и на коллективном социальном опыте масс, объективированном в медиасфере. Социальность воспроизводится в нем на основе повседневного знания, распределенного в социальных сетях.

В классической советской теории познания знание как результат процесса познания было принято классифицировать на следующие виды: донаучное, житейское, художественное и научное [Спиркин, с. 192]. Критерием этого разделения выступает метод познания. Постепенное формирование типов познания, представляющих собой автономные когнитивно-культурные системы, выполняющие специфические функции (повседневный опыт, магия, миф, искусство, религия, право, философия, мораль, идеология, наука [Касавин, с. 872]), привело к появлению предметной классификации знания, подразделению его на повседневное, магическое, мифологическое, эстетическое, религиозное, юридическое, философское, этическое, идеологическое, научное. Наибольшее внимание исследователей традиционно привлекает проблема демаркации научного знания, однако это не означает бесконфликтности сосуществования остальных типов познания и их результатов. Процесс познания сложно вычленишь из процессов коммуникации и деятельности, которые он обслуживает. Нередко он является вспомогательным по отношению к осознаваемой и конструируемой телеологии, что акцентирует конечный результат и затемняет противоречия в разнотипной методологии познания. Но там, где важна чистота методологии познания, эти противоречия становятся очевидными (проблема веры и разума в средневековой теологии, конфликт долга и страсти в искусстве классицизма и т. п.). Сложность взаимопереходов и взаимной блокировки различных типов знания раскрывается в диалектике субъективного и объективного, индивидуального и коллективного, локального и универсального опытов.

Разнообразие видов знания было усложнено научно-технической и промышленными революциями, когда изменилась роль научного знания благодаря его переходу в знание технологическое, трактуемое как прикладное естествознание без собственных познавательных задач, средств и методов: «целью ученого является создание проверенных знаний. Целью инженера или технолога является преобразование знаний в методы или продукты, в которых у людей есть потребность. Ученые действуют в сфере знаний. Инженеры и технологи действуют в сфере практики» [Питт, с. 8]. Движение от научного к технологическому знанию стало ключевым для поддержания и развития цивилизации и привело к массовизации основ научного знания благодаря повсеместному включению его трансляции в институт образования.

Научное знание сегодня является формальным, т. е. оно имеет письменную (текстовую) форму, отличающуюся специфическим стилем и жанрами, а также специализированной сетью периодики и книгоиздания. Формальность знания зависит от институционального характера науки, структурные связи внутри которого формализованы, а неформальные сети отношений наслаиваются на структуры вертикальных иерархий. Не случайно итальянские исследователи Дж. Дози и М. Лабини подчеркивают, что «в большой своей части знание – это не «информация», а организация, люди и «кластеры». Академическое исследование – это корпоративная практика, осуществляемая в рамках публичного финансирования, на страницах престижных, т. е. общественно признанных научных журналов» [Dosi, Labini, p. 1452]. Кластер научной корпоративной практики охватывает как формальные иерархии научно-исследовательских организаций, так и неформальные исследовательские сети – коллаборации и тематические группы исследователей, знающих друг друга, в первую очередь, «по трудам».

Что противостоит формальному знанию науки? Обыденное знание (ordinary knowledge) в эпистемологии является довольно маргинальной проблемой, разработке которой посвящено сравнительно небольшое число исследований. Одной из ключевых работ является коллективная монография «Epistemology of Ordinary Knowledge» под редакцией М.Л. Бианка и П. Пиккари (2015) [Epistemology...]. В этом труде М.Л. Бианка обосновывает концепцию, в соответствии с которой обычное знание – это форма знания, которая не только позволяет эпистемически получить доступ к миру, но также включает разработку его моделей с различной степенью достоверности [Bianca]. Особенность этой формы заключается в том, что обычное знание может быть надежным, несмотря на то, что не обладает строгостью научного знания. Надежность обыденного знания задается его полигностической структурой, включающей различные виды знаний. К ним относятся: а) перцептивное/ феноменальное знание; б) самопознание собственных психических состояний, содержаний и процессов; в) знание самого себя и становление понятия «Я»; г) знание других «Я»; д) косвенное и неперспективное знание мира. У каждого из этих видов знания есть свои особенности формирования, собственная релевантность и степень надежности.

Социальное измерение последних рассматривает М.К. Аморетти [Amoretti]. Она опирается на концепцию триангуляции Д. Дэвидсона, в которой разумное существо, чтобы иметь какие-либо понятия или убеждения, должно «триангулировать» объекты и события во внешнем мире с другими существами, достаточно похожими на него. Триангуляция как простейший вид социального взаимодействия объединяет эмпирическое содержание и понятие объективности. Преодолевая недостатки идеи Дэвидсона, Аморетти показывает, что совместное внимание – это полностью социально-интерсубъективной триадический процесс, не требующий высказываний в языке, но формирующий общность идей и концепций.

Вопрос о том, как медиасреда меняет формирование обыденного знания, остается малоизученным. В первом приближении очевидно, что канал коммуникации не может не влиять на процесс познания, поскольку привносит в него компоненты медиаграмотности. Иначе говоря, технические принципы оперирования контентом детерминируют эпистемические процессы. Средой формирования обыденного знания является мышление и устная речь. Подключение письма означает расщепление исходного синкретизма обыденного знания, повышение степени его рефлексивности и подчинение его жанровым форматам (литературным, документальным, журналистским), т. е. начальную формализацию. Переход познающего субъекта в сферу профессионального производства знания – художественного, религиозного, журналистского или научного – требует овладения определенными методами его создания, т. е. среднюю формализацию. По мере роста профессионального мастерства степень формализации производимого знания достигает максимального значения. Под формализацией в данном случае понимается передача знания с помощью особого кода, через создание сообщения определенной формы и по установленным правилам. Это и использование конкретного функционального стиля речи,

и риторические приемы, и системы аргументации, терминология, штампы и т. д. Важным элементом формализации являются институциональные ценности, нормы, правила и процедуры, выработанные в структуре профессиональных институтов по производству знания – науке, религии, журналистике, искусстве и т. д.

Необходимо отметить, что развитие интернет-коммуникации оказало значительное воздействие на речевые жанры и стили. Во-первых, оно вызвало эклектизацию и диффузию жанровых форм, за счет неформального статуса интернет-общения. Утверждая традиции неформального общения и самовыражения, интернет смягчил канонические жанровые правила, усиливая эмоциональную и развлекательную направленность общения. Во-вторых, перевод текста и речи в медиаформат интернета изменил отношения между автором и читателями в сторону симметрии. В-третьих, расширяя классический печатный текст с помощью видео, фото и аудиовставок, медиатекст стал форматом организации контента, характерным для цифровой культуры. Для медиатекста характерны иные отношения сообщения и реципиента, в том числе, феномен так называемого «поверхностного» чтения, слабо совместимого с развитием критического мышления. Медийные элементы расширяют чувственное восприятие и усиливают эмоциональное воздействие, рассеивая аналитическое внимание. Экспоненциальный рост медиатекстов в медиасреде, инструменты поиска, компактность их размещения на носителях и в сети, а также операциональность снижают временные затраты при работе с ними.

Перечисленные коммуникационные отличия делают обычные знания в социальных сетях принципиально неформальными. Исследуя обычное знание в социальных сетях, можно обнаружить следы формализации знаний. Однако интернет-пространство формировалась как серая зона между приватным и публичным и продолжает оставаться таковой до сих пор. Поэтому даже коммуникация профессионалов в интернете существенно отличается от профессиональных офлайн-стандартов. Дискурсивность медиасреды как общая способность смыслопорождения сопрягается с жанровой эклектикой и полифонией. В дискурсе медиатекстов убеждение формируется не через рациональные стратегии, а на эмоциональной платформе, расформализовывая традиционные профессиональные дискурсы. Социальные сети выступают средой стихийно формирующихся эпистемических арен, в которые пользователи «приносят» с собой стратегии оперирования знанием, сформированные на внешних площадках, и тут же могут модифицировать их под влиянием потребностей конфликта или сотрудничества. Термин «эпистемическая арена» выдвигается нами по аналогии с «риторическими аренами», под которым в медиаисследованиях понимается специфическое медиапространство, формирующееся на пересечении различных коммуникационных каналов, в котором различные заинтересованные стороны предоставляют и получают информацию [Frandsen, Johansen; Rodinetal].

Историческое знание в рамках эпистемических арен вырабатывается различными акторами: учеными – профессиональными историками, массами интернет-пользователей, использующими технологии краудсорсинга и нечеловеками (цифровыми технологиями и цифровыми медиа). Историческая наука на протяжении второй половины XX в. выработала методики работы с большими данными, оцифровки исторических материалов и использования электронных ресурсов для публикации исторических исследований. В рамках клиометрики, а затем и исторической информатики была разработана концепция источник-ориентированной системы управления базами данных, которая представляла собой не просто электронную публикацию текста исторического источника, а подготовку его к компьютерной обработке с целью использования читателем-нечеловеком [Thaller, p. 15]. Эта система оперировала оцифрованным изображением источника, его транскрипцией и внеисточниковым знанием, что облегчало в конечном итоге использование исторической информации рядовым интернет-пользователям и ориентировало на работу с ней цифровые технологии. В рамках направления публичной истории профессиональные историки привлекали при помощи краудсорсинговых технологий массы интернет-пользователей для выработки исторического знания [Савельева, с. 141–155].

Сегодня эти практики стали основой образования эпистемических арен. Цифровые медиа стали не просто площадкой проведения исторических исследований и местом, где происходит конвергенция знания, полученного историками-профессионалами, любителями истории и компьютерными технологиями, они активно включены в процесс его производства, так как воспринимаются всеми участниками данного процесса как субъект конструирования представлений о прошлом. В данной системе постепенно стирается грань между историей и исторической памятью, упорно прослеживаемая историками доцифровой эпохи, но это не означает, что в рамках эпистемических арен ценность исторического знания нивелируется. Наоборот, личностное переживание процесса получения представлений о прошлом, какими бы они ни были, даже при помощи цифровых технологий, повышает их ценность и статус именно как исторического знания. Таким образом, эпистемические арены примиряют противостояние профессиональных историков, их читателей и используемых ими методов, ориентированных на цифровые технологии. Все акторы выступают равноценными субъектами исторического познания, но полученное знание носит личностный характер, объективируемый использованием цифровых технологий, так как существует устойчивое представление, что знание, полученное при помощи компьютера, высочайшего достижения научно-технического прогресса, априори объективно. Данное положение вещей, кстати, может объяснять появление фейков, в том числе и исторических.

Эпистемические арены не изолированы, их коммуникация задается стратегиями продвижения постправды. В литературе постправда трактуется как самостоятельный концепт медиадискурса, обладающий отрицательными коннотациями и подчеркивающий влияние интерпретаций по сравнению с фактографией [Корецкая]. Однако суть постправды сводится к вере, для которой принципиально личностно-эмоциональное отношение к предмету сообщения. Постправда не обязательно предполагает поток фейков, она может наслаиваться на вполне рациональные, научно-обоснованные интерпретации. Проблема в том, что без флера постправды последние не могут ни привлечь внимание, ни вызвать доверие.

Постправда как трансляция субъективности основана на репрезентации личного субъективного опыта познания мира, т. е. ее ядром является обычное знание, на платформе которого формируется личная история, личный опыт и личная правда, подменяющие объективные данные. Постправда – это не забвение истины, это следствие избытка информации, когда в ее массивах можно ориентироваться только через полную активизацию всех когнитивных способностей человека. Эмоционально окрашенное отношение выступает фильтром для потоков разнородного контента. Через постправду люди и познают, и, одновременно, выражают себя, создают идентичности и вступают в коллективные действия. Исходные сообщения, фабрикуемые по инициативе политиков постправды для контроля над общественным мнением, рассыпаются в миллионах постов и комментариев.

Интенсивное развитие социальных медиа увеличивает включенность пользователей в производство знаний. Массив производимого ими контента вытесняет классические СМИ из структуры обращаемости по общественно-политическим и аналитическим сведениям. Пользовательские мнения сами по себе являются специфической формой повседневного знания, обладающей особыми дискурсивными правилами производства, системами верификации и авторитетов. Неформальное знание, производимое обывателями вне институциональных практик, часто объективируется сегодня в форме контента социальных сетей, сетевых записей различных форматов (микроблог, блог, твит, пост и т. п.). Повседневное обыденное знание, ранее бытовавшее преимущественно в устной форме и проникавшее в массовое сознание и массовую культуру через систему культурных цензов, в условиях социальных сетей становится публичным через сеть эпистемических арен и получает новые механизмы влияния (лайки, репосты), не только обеспечивающие его массивное тиражирование, но и прямую включенность в процессы формирования репутаций и общественного мнения.

Таким образом, коммуникационное раскрепощение субъекта приводит к трансформации социально-эпистемологического фона его социальной активности. Цифровая повседневность, порождающая новые эпистемические практики, конкретизирует специфику социальной реальности цифрового общества. Она не детерминируется технологиями прямо и жестко – известно множество случаев, когда технологические цифровые проекты обживались пользователями совсем иначе, чем это планировалось их разработчиками. Тем не менее, именно цифровые технологии лежат в основе новых эпистемических арен, на которых пользователи оттачивают свое умение понимать Прошлое, Настоящее и Будущее. Индивиды в цифровом обществе массово включены в процесс отбора технологических сервисов и решений, доместификация которых задает потом параметры распределения знания.

Библиография

Валевич Е.С. Эволюция коллективности в аспектах массы, толпы и вождизма // Ценности и смыслы. 2014. № 5 (33). С. 106–110.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.

Касавин И.Т. Познание // Философия: Энциклопедический словарь / Под редакцией А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 872873.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 631 с.

Корецкая О.В. Концепт post-truth как лингвистическое явление современного англоязычного медиадискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–3 (73). С. 136–138.

Питт Дж. Научные и технологические знания: что между ними общего и в чем различия // Школа и производство. 2002. № 3. С. 7–9.

Савельева И.М. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141–155.

Спиркин А.Г. Знание // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 192.

Amoretti M.C.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.